

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ 1960–80-х гг.

*Работа представлена кафедрой русской литературы XX века
Брянского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Шаравин

В статье изложена единая концепция человека в творчестве В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина, представлены новые интерпретации типов личности в деревенской прозе.

The article reveals a united concept of human in the writings of V. Astaf'yev, F. Abramov, V. Belov, V. Rasputin, V. Shukshin and a new interpretation of personality in the village prose.

Деревенскую прозу 1960–80-х гг., представленную произведениями таких самобытных и талантливых художников, как Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, характеризует некая типологическая общность в изображении человека. Вместо простого советского человека писатели-деревенщики изобразили человека «земного в деяниях и помыслах»¹, образ которого определен бытийными координатами – землей, природой, традиционными устоями деревенского уклада. Родовой дом, опозитизированный труд на земле, соборность и роевость, естественность и простота (наподобие природной сообразности) – основные столпы мировоззрения селянина и определяющие начала концепции человека.

Концепция естественного человека задается архетипическими образами Дома-Деревни, спецификой хронотопа, парадигмой человек – природа.

Особым духовным пространством героя, «природной обителью» и родовым ос-

нованием человека в прозе рассматриваемой группы писателей является Деревня. Действие большинства произведений происходит в доме и подворье, а жизненное пространство человека ограничено домом, деревней. Подобная организация топоса реализует творческие ориентиры на восприятие человека в традиционном контексте. Образ-концепт дома имеет аксиологическое значение: изначальное содержание личности, духовно-нравственное основание человека («главный дом человек в душе у себя строит»²) и сакральный образ мира в ценностных рамках земледельческой культуры, важнейшей характеристикой которого является неразрывное единство сознания и бытия героя с почвой (народной традицией и землей). На страницах произведений В. Распутина, Ф. Абрамова образ деревни вырастает до символа всей России («Россия из домов состоит...»³).

Деревенский мирообраз есть видение бытия человека как устойчивого, неизменного под влиянием общественных по-

трясений. Движение означает возвращение к первоначальному родовому истоку. Для героя различие между прошлым, настоящим и будущим сглажено, ведь то, что было, и то, что еще произойдет, обязательно должно повториться, стать составными частями циклического мироздания. Представление о нескончаемости жизни связано с идеей преемственности рода людского. Смена поколений ведет не к взаимовытеснению человечества, но к наращиванию жизни.

Отношение к природе есть та мировоззренческая доминанта, которая организует концепцию естественного человека и одновременно отражает сущностные представления о человеке, его духовной индивидуальности. Герой деревенской прозы отождествляется духовно и физически с природой, а она определяет его развитие колебанием природных циклов, сменой сезонов и т. п. Бытие естественного человека во многом измеряется духовно-физиологическими фазами (рождения, созревания, жизнедеятельности, умирания), сходными с биологическими циклами жизни природы (к примеру, в «Оде русскому огороду» В. Астафьева развитие главного героя, крестьянского мальчика, сопряжено с ростом и созреванием огородных растений, чередованием природных сезонов и т. п.). Характерные меты естественного человека – поэтическая чуткость, эстетическая одаренность, нераздельно связанные с чистотой нравственного чувства, выступают важнейшим аспектом духовного богатства естественного человека. Природные начала человека исконно благодны, естественное и органическое сопряжение крестьянина-земледельца с землей и населяющими ее людьми порождает лад человеческого бытия.

Связь с родом, память, русская духовная традиция определяют нравственную концепцию человека в деревенской прозе. В произведениях В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина утверждается активная духовная сила памяти как высшей привязанности человека

к земле, природе, родным могилам, к прошлому. Понятие «род» в контексте деревенской прозы реализуется как некая духовная субстанция, «корневая» основа личности и универсальный концепт, нетождественный понятиям «община», «мир» (крестьянский), «народ», «человечество» и по своей семантике приближающийся к пониманию «вселенского начала», которое Ф. М. Достоевский противопоставлял одинокой и изолированной личности. Идея причастности к роду в повестях В. Распутина воплощается символическими образами «нитей жизни» и «общего организма».

Важный для деревенской прозы сдвиг проблематики в сторону выявления констант национального мировосприятия и этической основы крестьянского уклада закономерно приводит к христианской традиции как духовной основе народного мира, которая актуализируется в типе народного праведника, выражающего традиционные крестьянские представления о добре, человечности, справедливости и другие этические нормы. Образы праведных старух тесно связаны с народно-православным феноменом праведничества, который запечатлел А. И. Солженицын в образе Матрены («Матренин двор»). В разное время к фигуре народного праведника обращаются Ф. Абрамов («Деревянные кони»), В. Астафьев («Последний поклон»), В. Распутин («Последний срок», «Прощание с Матерой»). Деревенские праведники живут в согласии с евангельскими заповедями, скорректированными народной традицией. Православие выступает не компонентом религиозного сознания, а основой генетической нравственности на уровне исторической памяти. «Христианство через крест-ьянство у всех у нас в крови вплоть до последнего атеиста»⁴, – определил В. Курбатов специфику русского характера. Раскрывая смысл праведного существования человека, писатели уверены в способности народной духовности противостоять разладу.

Концепции естественного человека и народного праведника контрастны по от-

ношению к концепции маргинальной личности. Маргинальная личность находит выражение в ярких образах «обсевков», архаровцев, «межедомков», «пришей-пристебай», «легких людей». Их объединяет отсутствие чувства дома, соотносённости со своим родом и, как следствие, отчуждение от христианской традиции и извращение естественной, природной нравственности. Под влиянием города в характере героя произошли настолько значительные изменения этической сферы, что он выпадает из рамок культурной традиции, к которой принадлежит. Смятение, потребность в самоутверждении, антропоцентризм, индивидуализм и тщеславие, духовная эрозия – свойственные мироощущению городского человека психологические новообразования личности селянина, оторвавшегося от своего родового «я». Духовный кризис человека, утратившего душевную целостность и равновесие, выражается в образе заблудшей души, мотивах «скособоченной жизни», судьбы «внаклон», распада семьи.

Шукшинский образ чудака не выпадает из общей концепции маргинальной личности: человек полугородской-полудеревенский, находящийся на изломе культурных эпох, жизненный путь героя определяется разрывом привычных связей. В то же время художественный образ чудака уникален, так как разрушает представления о стереотипности и единообразии духовной жизни советского человека и воплощает идею индивидуальной уникальности человека. Чудачество, по мнению В. Астафьева, – характерное свойство натуры русского человека: «В селе нашем, что ни двор, то причуда иль загиб какой, если не в хозяйстве, то в хозяине»⁵. Человек с чудинкой в эпоху раскрестьянивания страны и исчезновения русских деревень являет собой самобытный русский характер.

Нравственно-психологический облик чудака складывается из ряда параметров, важнейшим из которых выступает экстравагантность поступка. За кажущимся внешне странным поступком скрыта вполне адек-

ватная и последовательная поведенческая реакция человека, соответствующая логике его характера, которая в определенной ситуации срабатывает и проявляется в причудливых формах поведения. Человек в изображении В. Шукшина действует естественно, непосредственно, в силу своих внутренних нравственных понятий, поэтому чудачество выступает некоей мерой духовности человека, а не стихийным и вечным абсурдом, органически укорененным в народной жизни, отголоски которого заметны в повестях В. Белова.

В образе чудака актуализирован мотив детского восприятия мира, инфантильность героя представляется особым просветленно-нравственным отношением к миру и окружающим.

Показателем духовности человека в контексте прозы В. Шукшина выступает беспокойная совесть, душа ищущая. Сомнения героя, неудовлетворенность собой, типологический характер. Чудик способен к рефлексии, понимаемой двояко: как способность индивида абстрагироваться от всего внешнего, телесного и постоянное, мучительное соотношение своего «Я» с неким Абсолютом. Герой ищет оправдания жизни, поступков, слов, но не является ни правдоискателем, ни праведником, для него важно не познать истину, а жить по правде. Чудик стремится вырваться из привычного круга жизни, придать своим будням праздничную украшенность, расцветить жизнь воображением, зрелищным, театральным поведением. Шукшинский праздник не имеет ничего общего с концепцией западного карнавала, характерного для сознания горожанина. Представление о празднике связано со стремлением к обновлению жизни, и праздник становится результатом своего рода очищения, «снятия морока», болезненного отрешения от неправды, лжи (рассказы «Привет Сивому!», «Алеша Бесконвойный»).

Таким образом, в произведениях деревенской прозы 1960–80-х гг. имеется единая концепция человека, которая реализуется

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

в трех основных типах: естественный человек, народный праведник, маргинальная личность. В них угадывается ряд компонентов: уровень природного естества, уровень генетически-родового и духовного, уровень социального. В своем единстве они обеспечивают сущность концепции человека деревенской прозы, особую, принципиально отличную от других художественных систем.

Концепция человека не является статичной. В развитии деревенской прозы от 60-х к 80-м гг. XX в. наблюдается тенденция к редуцированию: образы естественного человека, народного праведника замещаются «обсевками», «межедомками», «архаровцами», «чудиками», «выламывающимися» из деревенского хронотопа.

В произведениях Ф. Абрамова, В. Ас-

тафьева, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина концепция человека проецируется на проблему русского национального характера и на вопрос о национальной судьбе. В героико-праведнике отмечены те качества, что являются краеугольным камнем русской ментальности; в образе человека с чудинкой реализован тип русского национального характера, вобравшего в себя и трагическую рефлексию на несовершенство мира, и духовную устремленность к правде, и стремление русской души к празднику. Писатели деревенской прозы запечатали и духовную трагедию русского человека, разложение национального характера, и напряженный поиск путей возрождения, которое неизменно связывают с духовными традициями русского крестьянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Астафьев В. П. Сочинения: В 2 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. Т. 1. С. 319.

² Абрамов Ф. Братья и сестры: Роман в четырех книгах. Книги третья и четвертая. М.: Сов. Россия, 1987. С. 350.

³ Там же. С. 395.

⁴ Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов. Письма из глубины России. Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. С. 128.

⁵ Астафьев В. П. Указ. соч. С. 523.